

По-настоящему трогательная книга; проникновенное исследование человечности, лежащей в основе защиты животных. Кортни мастерски сплетает воедино истории кошек с историями своей жизни и жизни членов сообщества — несовершенных, стремящихся к добру в сложном мире. Ее путь от наблюдателя за кошками до преданного заботливого человека и создателя сообщества невероятно вдохновляет.

Ханна Шоу, автор бестселлера New York Times «Кошки мира»

Чуткий дебют... Не обязательно быть любителем кошек, чтобы быть очарованным этой книгой.

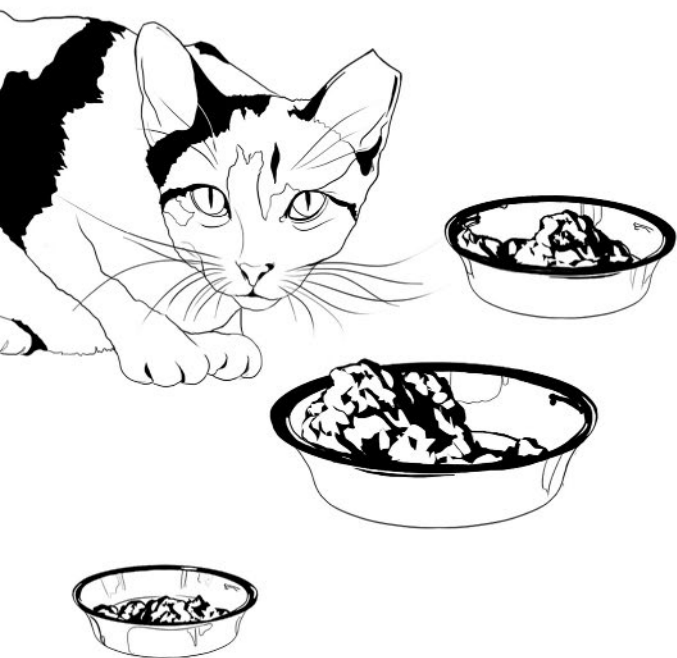
Publishers Weekly

Размышляя о своей жизни и вирусной популярности в интернете, Густафсон борется с восприятием со стороны онлайн-масс, значимой и вдохновляющей любовью к животным, женоненавистничеством в работе по их спасению, финансовыми трудностями, связанными с содержанием питомцев, болью от потери любимца и, что наиболее важно, с тем, как создать сообщество. Ее захватывающие и эмоциональные зарисовки полны человечности и всех важных уроков, которые мы можем извлечь из маленьких существ, просто пытающихся выжить.

Booklist

Трогательные, прекрасно написанные дебютные мемуары «Тридцать кошек и ни одной чужой» — это книга, которая изменит представление читателей как о кошачьей, так и о человеческой природе... Что выделяет произведение среди других историй о защите животных, так это настойчивое утверждение Густафсон о том, что страдания домашних животных часто отражают страдания людей, которые о них заботятся... Это обязательное чтение для тех, кто работает и занимается волонтерской деятельностью в сфере защиты животных, а также дань уважения тому, как животные могут дарить яркие, процветающие осколки надежды в мире.

BookPage

Тридцать кошек и ни одной чужой

МЕМОУАРЫ О ЖИЗНИ,
ЛЮБВИ И ПРИНЯТИИ СЕБЯ

КОРТНИ
ГУСТАФСОН

УДК 821.111(73)-94

ББК 84(7США)-44

Г96

Courtney Gustafson

POETS SQUARE: A MEMOIR IN THIRTY CATS

This edition published by arrangement with
Frances Goldin Literary Agency, Inc.
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Екатерины Мясниковой*

Густафсон К.

- Г96 Тридцать кошек и ни одной чужой. Мемуары о жизни, любви и принятии себя / Кортни Густафсон; [пер. с англ. Е. Мясниковой]. — М. : Колибри, Издательство АЗБУКА, 2026. — 256 с. : ил. — (Популярная психология для бизнеса и жизни).

ISBN 978-5-389-31731-4

Кортни переехала ради тишины и уюта, а получила тридцать пар светящихся в темноте глаз.

Она не планировала становиться спасателем кошек. Кортни просто хотела спрятаться от мира, залечить старые раны и научиться жить заново. Но ночные крики на крыше, худые силуэты у мусорных баков и крошечные следы лап на подъездной дорожке не оставили выбора.

Она начала кормить их, когда не могла позволить себе даже лишнюю банку тунца. Давала имена, хотя знала, что привязываться опасно. Писала их истории, которые вдруг оказались нужны тысячам людей по всему миру. Незнакомцы присылали корм, жертвовали деньги на ветеринаров и писали комментарии с невероятной поддержкой.

«Тридцать кошек и ни одной чужой» — это мемуары о том, как одичавшие животные и одна женщина нашли друг друга. О том, как маленькие акты доброты перерастают в большое сообщество. И о том, что иногда, чтобы спасти других, нужно сначала позволить спасти себя.

Эта книга для тех, кто когда-либо чувствовал себя лишним. И для тех, кто знает: настоящее чудо начинается с первого шага навстречу.

УДК 821.111(73)-94

ББК 84(7США)-44

ISBN 978-5-389-31731-4

© Courtney Gustafson, 2025

© Мясникова Е. А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Колибри®

Разница между словами *дикий* и *одичавший* едва уловима, но она существенна. Дикие животные самой эволюцией, самой природой запрограммированы жить без вмешательства человека. Совсем другое — одичавшие. Это те, чей вид когда-то был одомашнен, но им по какой-то причине приходится справляться без нашей помощи. Одичавшие животные — их истории, их будущее, их борьба за выживание — неразрывно связаны с людьми. Их судьбы переплетаются с нашими.

Понятие *одичавший* отсылает к дикости, но относится оно к животным, брошенным системой, которая их и породила.

Площадь Поэтов

В уютный кирпичный домик на Площади Поэтов я переехала первой. У Тима в запасе было еще несколько недель оплаченной аренды, так что он продолжал собирать вещи, освобождать шкафы и приводить все в порядок в надежде вернуть залог. А я уже съехала из своей прежней квартиры и была полностью открыта для возможностей, которые мог подарить новый дом. Небольшой, в аренду, зато мы выбирали его вместе. Я была готова перекроить свою жизнь.

Я спала на голом матрасе в комнате, которая должна стать нашей спальней. В голове рисовался четкий образ: на стенах висят картины, в гостиной установлены колонки, и мы включаем музыку фоном. Я представляла, как мы, я и Тим, прячемся здесь от всего, что творится в мире. Спокойный район, ничто не может нас потревожить.

В первый вечер на новом месте я сидела одна в пустой гостиной и слушала, как малейший звук отражался в ней эхом. В доме еще не было телевизора и не работал интернет. И я просто сидела, изучая звуки района. У двери слышался шорох — может быть, ветер? За ним — шум на заднем дворе. Что-то похожее на шаги по крыше.

Я пристально всматривалась в темноту — это дверь дребезжит? что-то стукнуло в окно? — но не могла ниче-

го разглядеть. Я была готова убедить себя, что мне показалось, если бы не Мэгги, моя собака — она тоже что-то слышала: уши Мэгги то и дело поворачивались в сторону шорохов, доносившихся с потолка спальни. В ту первую ночь я не сомкнула глаз, прислушиваясь к глухим ударам у мусорных баков на подъездной дорожке и наблюдая, как снова и снова срабатывают датчики движения. Но всякий раз никого не было видно.

На следующее утро — мое первое утро в новом доме — я встала рано и, осмелев при свете дня, вышла на улицу. Доказательства были повсюду. На крыльце, на крыше, на дороге: крошечные следы лап.

До того как мы съехались, Тим жил в десяти минутах от меня, в деловом центре Тусона, в многоквартирном доме с закрытым двором, где постоянно бродили несколько бездомных кошек. Среди них у нас был любимчик: большой темно-бурый кот, которого мы называли Ризотто. *«Кота можно назвать чем угодно»*, — сказал Тим, а ведь раньше это не приходило мне в голову. Я всегда мучилась с именами, хотела подобрать правильное. А Тим, завидев в темноте бродячую кошку, тут же мог назвать ее в честь того, что мы ели на ужин.

Стояло лето, горели горы. В городе запах пожара ощущался повсюду, дым тянулся по земле. К тому же началась пандемия, и мы с Тимом закрылись вдвоем в собственном пузыре, в наших новых отношениях. Каждый вечер я проводила у него дома, и мы вместе наблюдали с балкона за происходящим: как кареты скорой с завывающими сиренами мчатся к госпиталю, как протестующие митингуют у полицейского участка, как пламя оку-

тывает горы. Как кошки неспешно бродят среди кустов. По ночам во дворе изредка раздавались их вопли.

Лето источало одновременно и напряжение, и спокойствие. Мы следили за мировыми проблемами, но были очень далеки от них. Огонь пожирает леса — но разве мы можем это остановить? Я ходила на работу, носила маску, пыталась защититься от дыма и была сосредоточена только на себе, на Тиме и наших зарождающихся отношениях. Разве это делало меня плохим человеком? Это не я устроила пожар в горах. Каждый вечер я сидела на диване и смотрела, как Тим готовит для меня, наслаждалась безопасностью спрятанного за забором дома, теплой едой и вниманием. Каждый вечер Тим провожал меня до машины, и мы целовались и искали Ризотто, кота, чья темная шерсть растворялась во мраке. Впервые за свою незамысловатую жизнь я тогда почувствовала, что мир рушится; но вместо того, чтобы его спасти, я просто влюбилась.

При свете дня я стала разглядывать следы возле нашего нового дома, стараясь понять, откуда пришли коты и куда ушли, но следов было слишком много, чтобы разобраться в них. Тиму я об этом не рассказала даже несколько недель спустя, когда он переехал и мы ночевали вместе в новой спальне. Кошек я слышала каждую ночь — сколько их? две? может, три? — они скакали по крыше, перепрыгивали через забор, носились по дороге.

Я всегда боялась все испортить. И вот впервые за многие годы мне казалось, что все в моей жизни идет как нужно; в первый раз я чувствовала, что могу просто забраться в кровать и укутаться в безопасность и уют.

Никаких забот, никаких обязательств — я никому ничего не должна. А кошки, наверное, пришли от соседей.

Новый район был спокойнее, чем предыдущий, и темнее — никаких уличных фонарей, и звезды из двора дома было видно гораздо лучше, чем в любом другом месте, где я жила. Каждую ночь, когда Тим отправлялся в кровать, я выскальзывала в темноту и молча разглядывала раскинувшиеся надо мной созвездия, но понимала, что стою здесь совсем не ради звезд. Если я не шевелилась достаточно долго, появлялись *они*: светящиеся глаза, шорохи, хвосты, исчезающие в кустах. Нет, кошек было не три, больше. Движение на крыше, силуэты во всех уголках двора. В темноте мы наблюдали друг за другом — я и бесчисленные пары глаз.

— Заметила? — спросил Тим однажды утром, когда готовил кофе на нашей новой кухне. — Возле дома постоянно какие-то кошки.

— Да, — ответила я, — что-то видела.

Первый кот, которого я застала при свете дня, был серо-белым, худощавым и длинноногим. Он крепко спал на капоте машины, а я как раз собиралась ехать на работу. Я прошептала: «Прошу прощения», и когда звякнула ключами, кот резко распахнул желтые глаза, испуганно вздрогнул, выгнув спину, как обычно это делают кошки, и убежал. Когда вечером я вернулась домой, на крыльце меня встретил черный кот. На следующее утро в кустах на заднем дворе промелькнул рыжий пушистый хвост, а на заборе сидела трехцветная кошка. Тим тогда еще продолжал переносить в дом коробки; мы разворачивали кружки на кухне для утреннего кофе.

— Да, точно, — ответил Тим, когда я рассказал ему о трехцветной. — Я видел ее утром. — Он отодвинул жалюзи, выглянул наружу и добавил: — Хотя нет, не эту.

Могу поклясться, что время от времени, выглядывая в окно, я видела там одиноко сидящего черного кота, как в приметах, но стоило отвернуться — и на его месте уже сидел белый. Было чувство, что новые коты появляются всякий раз, когда я моргаю, словно возникают из какого-то портала. Я выходила на улицу проверить почту, смотрела на небо — и видела огромного кота, сидящего в кроне дерева и глядящего на меня сверху вниз. Я шла на задний двор и сталкивалась лицом к лицу с изящной сиамской кошкой: темные пятна на ее лапах напоминали высокие сапоги, а голубые глаза были совсем перекошены. Это было как шоу с приколами, будто кто-то решил проверить, сколько разных кошек можно оставлять у нашего дома, пока мы окончательно не сойдем с ума.

Я стала делать заметки — кошачий каталог.

— А вот та белая, которую ты видел утром, — спрашивала я у Тима по телефону во время перерыва на обед, — у нее длинная или короткая шерсть? — Я постоянно сверялась с записями в маленьком блокноте.

— Длинная, — отвечал Тим. — И она не полностью белая, я видел примесь рыжего на хвосте.

Что-то новое. Я делала запись.

— Откуда они приходят? Где прячутся? — спрашивал Тим. Когда мы смотрели дом перед переездом, не видели ни одной кошки. И в округе при свете дня их почти не было. Мы поговорили с домовладелицей и познакомились с соседями, чтобы выяснить, знают ли они о кошках. Я немного переживала, что кто-то подумает, будто все это — мои фантазии. Хозяйка дома предположила, что кошки могут принадлежать соседке, а еще

вспомнила, что, кажется, видела бездомных кошек неподалеку.

— Ну да, — отвечали соседи, отмахиваясь от меня, — есть тут какие-то бесхозные кошки.

В те дни, когда мы только начали жить вместе, Тим часто готовил ризотто. Он любил готовить, и особенно ему нравилось делать одно и то же блюдо, каждый раз что-то меняя и добавляя новые нюансы. С моим неискушенным вкусом трудно было уловить разницу, а Тим кивал и причмокивал, наслаждался каждым кусочком, подтверждая, что с каждым разом блюдо становится все лучше. Я ему завидовала: насколько старательно он мог погружаться в свое занятие, насколько самозабвенно.

Почти каждый вечер Тим склонялся над плитой и готовил в большой кастрюле, бесконечно помещивая, пока я валялась на диване или бесцельно слонялась по кухне. Я не готовила. Мне всегда казалось, что это мой большой недостаток — я вряд ли могла даже сама себя накормить. Я так давно не чувствовала заботы, что провалилась в это ощущение с головой. Насколько лет я жила в режиме выживания, в одиночестве, и безумно устала от этого. У меня не было сил заботиться о ком-то еще.

И вот, откуда ни возьмись, в моей жизни появились тарелки с дымящимся рисом, заправленным маслом, ароматными грибами и тертым сыром, который Тим насыпал сверху. Уютный дом и человек, с которым его можно разделить. Кошки на улице. Мы даже начали ссориться из-за них, совсем немного. Я очень переживала о кошках, о каждой из них, даже о тех, кого еще не видела. По последним подсчетам, их было не мень-

ше дюжины. Давно они выживают здесь? Нужно ли их кормить? Я специально не давала им имен, чтобы не привязываться.

Так наступил сентябрь. Пожар в горах потух, оставив после себя тлеющий шрам на горизонте. Я видела с заднего двора этот след — красную полосу от противопожарного реагента, сброшенного с вертолета. «Видишь? — думала я, устраиваясь поудобнее в нашей новой кровати. — Моя помощь тут не понадобилась». Если игнорировать проблему достаточно долго, ее исправит кто-нибудь другой. Все эти галдящие за окном кошки — я им не нужна. И ведь я почти себя убедила.

В детстве я так любила кошек, что часто притворялась одной из них. Даже в возрасте, когда это уже перестало быть милым, я продолжала бегать на четвереньках и отказывалась от завтрака, пока родители не насыпали хлопья в кошачью миску и не ставили ее на пол. У нас была кошка — угрюмая трехцветка, чья шерсть по непонятной причине постоянно лоснилась, будто была намазана жиром. И хотя эта кошка почти не позволяла к себе прикасаться, я считала ее очаровашкой, волшебным, таинственным маленьким существом, которое просто живет с нами, и все ее занятия — это сидеть и шипеть. Стены детской, обитые деревянными панелями, были увешаны глянцевыми плакатами с щенками и котятами: они куцей вываливались из корзинок или позировали в саду, и на носу у некоторых сидели бабочки.

Я любила животных. Я обожала кошек.

Повзрослев, я стала волонтером и в свободное время выгуливала собак из местного приюта, но и тогда не могла осознать то звериное начало, которое есть в на-

стоящих животных, их дикую природу. Их биологию. Как они рождаются и умирают, как плодятся и поддерживают существование своего вида, через что они проходят, чтобы выжить.

С котиками всегда было уютно: пушистые создания, которые живут в наших домах, спят, свернувшись калачиком у камина, перебирают лапками мягкое одеяло, всегда сонные и довольные. Я никогда не задумывалась — у меня просто не было на то причин, — что случится с кошками, если оставить их одних на улице, вынудить пробудить свою дикую природу, сделать так, чтобы беспощадная биология взяла верх.

Я не умела любить животных в таком ключе.

Смерть кошки, да и смерть вообще, я видела пока лишь раз — это была та самая трехцветная кошка из детства. Она дожила до пятнадцати лет и безболезненно скончалась на руках у моей мамы в ветеринарной клинике. Я тоже была там; я осталась в кабинете до конца. И чувствовала себя храброй, ведь ветеринар предлагал мне уйти. Теперь я могла сказать, что видела смерть. Но это была смерть от стальной иглы эвтаназии, безболезненный конец долгой жизни — как подарок. И это была кошка, которая никогда не жила без человека, ни единого дня за все свои пятнадцать лет.

У кошек, обитавших возле дома на Площади Поэтов, не было никого. Да и не похоже, что им нужны люди. Эти кошки одичали — они избегали нас. Они прятались и шипели и ускользали каждый раз, когда мы открывали дверь. Они не были кошками в моем понимании, скорее я причислила бы их к другому семейству — может быть, к енотам, учитывая, как много времени они проводили, роясь в нашем мусоре, а затем убегали, галопируя в темноте и перебирая лапками по скатам крыши.

Тим рос в сельской местности, его семья жила в трейлере, он был частью сообщества 4-H Club* и видел жизнь животных как она есть. Без всяких прикрас. Настоящее животноводство, со всеми вытекающими. Он раньше меня понял, что станет с кошками, которые живут рядом с нашим домом: они продолжают размножаться и умирать, а мы будем бессильны что-то с этим сделать.

— Они едят птиц? — спрашивала я его. — Здесь есть мыши?

Я не понимала, как у них получается выживать. Не понимала, что на самом деле — совсем не получается.

У Тима в детстве тоже были кошки — бездомные, они жили в амбаре. Он и его ровесники прекрасно знали, что кошка рождает котят и иногда котята не выживают. «Не может быть!» — говорила я, размышляя о кошках в том ключе, в котором раньше мне не приходилось о них задумываться. Уже смеркалось, и мы наблюдали, как несколько кошек бродят по периметру двора. Я даже не подумала о котятах. Есть ли они здесь? Может, я просто не заметила крошечные следы?

Тим только пожал плечами:

— Не волнуйся. Они дожили до этих дней без тебя.

Были от кошек и неудобства. С нами переехала моя собака Мэгги — милая и неуклюжая, помесь боксера, — и отчасти мы выбрали этот дом на Площади Поэтов

* Клубы, изначально возникшие в США в начале XX века, в которых молодежь обучали сельскому хозяйству и домоводству. Подобные организации существуют в разных странах мира и предлагают «обучение на практике». — *Здесь и далее примечания переводчика, если не сказано иное.*

из-за огороженного зеленого двора, где она могла отдыхать в тени. Сразу стало понятно, что кошки для Мэгги — добыча. Мне приходилось проверять задний двор, прежде чем выпустить ее погулять. А кошки дразнили Мэгги, вскарабкиваясь повыше, чтобы быть вне досягаемости. Иногда они царапали коврик у входной двери, и этот шум сводил Мэгги с ума; она запрокидывала голову, уставившись на дверь, и скулила. Ночи напролет пялилась в потолок, когда слышала беготню на крыше.

Я очень переживала, что Мэгги случайно навредит какой-нибудь кошке, или что это сделаю я. Каждое утро мы с Тимом стучали кулаками по капотам наших машин, и какая-нибудь спрятавшаяся кошка — каждый раз разная — обязательно выбегала до того, как мы заводили двигатель. Прежде чем ехать на работу, я выходила из машины снова и снова, осматривала подъездную дорожку, чтобы трижды убедиться — никто не попадет под колеса. Кошки рыли землю в саду, царапали крышу, метили двор. Каждое утро Мэгги бесилась от этих запахов. А в моем каталоге было уже 30 кошек.

Как-то раз я вбила в поисковик: *бездомные кошки живут на крыше дома, что делать* — и интернет выдал рекламу компании по борьбе с вредителями. Мне обещали *быстрый и простой способ избавления от кошачьей проблемы*. И никаких подробностей, что станет с животными. Я быстро закрыла ноутбук, почувствовав, как меня накрыл стыд. Вышла на улицу и извинилась перед ночным воздухом, надеясь, что все кошки, прячущиеся на крыше, почувствуют это.

Но, несмотря на неудобства, я не сомневалась, что люблю этих кошек. Лохматую трехцветку, которая всегда шипела, когда я проходила мимо, нового белого кота с темными широко раскрытыми глазами, который появился однажды ночью. Он пристально смотрел на меня из-за угла, а потом убегал.

Еще была рыженькая кошечка, которая время от времени провожала меня до почтового ящика, и огромный кот, тоже рыжий, постоянно наблюдавший за мной с крыши, и крошечный полосатик с серьезными зелеными глазами — он постоянно сидел у двери с обеспокоенным видом.

Некоторые кошки казались абсолютно одинаковыми; я думала, что у нас живет всего одна серо-белая, пока не увидела вместе сперва двух, а позже трех и даже четырех. Погладить никого не удавалось — большинство убегало и пряталось, когда я выходила на улицу. Вместо этого я следила за ними через стекло, будто в зоопарке. Все чаще и чаще я сидела на кухне и заливала, наблюдая кошачью жизнь за окном: я изучала, каталогизировала, вглядывалась пристально, как будто сомневалась в чем-то. У меня мелькала дерзкая мысль, что кошки должны что-нибудь попросить.

И вот однажды, когда я была на кухне, Тим написал мне сообщение с подъездной дорожки: «Детка, я тут лакаю кошечку».

И он не обманывал. Это была серая в полоску кошка, которую в итоге мы назвали Бибс, что было сокращением от Биби, а Биби — от Белинды. Это бессмысленное имя мы придумали тем же вечером, как будто существовало правило: прикоснулся к коту — дай ему имя.

Бибс была дружелюбной. В тот вечер я наблюдала из окна, как Тим сидел на корточках у дороги в рабочем комбинезоне, а она терлась головой о его руку.

Так все и началось.

После Бибс мы назвали одну из кошек Обезьянкой. Это была вечно шипящая кошечка, трехцветная, вся в черных и рыжих пятнах. Потом мы придумали имя сестре

Обезьянки — еще одной трехцветке, которая была как бы ее негативом: белая, а черные и рыжие пятна тянулись в основном вдоль хвоста. Мы называли ее Необезьянка.

Я стала дополнять каталог кошек именами и описаниями, чтобы отличать каждую из них: находить различия между семью белыми кошками с голубыми глазами, тремя трехцветками, двумя рыжими и множеством полосатых кошек.

Было опасно давать им имена, и я это понимала. Если я знаю каждую, значит, замечу, когда кто-то из них пропадет. Раньше они были для меня просто одной большой стаей, бесконечным потоком постоянно сменяющихся животных, но теперь я их различала, могла распознать — и в тот момент я поняла, что попалась. Каждое утро я искала глазами Биби, Обезьянку, Необезьянку. Других кошек мы называли Стефани, Рианна, Джорджи, Инопланетянин, Мистер Бизнес, Доктор Толстозад, а еще Сэм Грустный Рот, Маппет, Мини, Угрюмый, Мама, Картошка, Опоссум и Ветчина.

Такие серьезные коты с такими глупыми именами. Сэм был сиамцем со скошенными глазами и покалеченным ртом, он постоянно с серьезным видом смотрел на меня из-под соседской машины. Стефани, черная длинношерстная кошка, часто сидела на нижней ступеньке и чихала, ее нос всегда покрывала корочка от соплей. У Ветчины были ранки на спине, а еще он был самым пугливым котом из всех, кого я встречала, вечно дрожал и боялся собственных усов, когда они тряслись.

Необезьянка была крошечным робким созданием. В какой-то момент она поняла, что мы тут живем, усвоила наш распорядок дня и стала ждать меня у двери, но всегда пугалась, когда я выходила. Она постоянно моргала большими желтыми глазами, в которых читался страх, но и любопытство тоже. Один глаз был крас-

ным и слезился, из-за этого ее белая мордашка была все время запачканной. Я завела привычку пить чай на улице каждое утро — наслаждалась им прямо на подъездной дорожке, — и сперва Необезьянка следила за мной метров с шести, затем с трех, а потом подобралась совсем близко, но смотрела с подозрением, словно я могла на нее напасть.

Если бы возле нашего дома жила она одна, если бы вокруг не было тридцати кошек — я бы знала, что делать. В детстве я кормила нескольких бездомных котят, которые иногда мяукали у входной двери; я знала, как поступить хорошо. На пороге появился тощий кот? Просто открой ему дверь. Но все тут же ломается, если взять это правильное решение и умножить на тридцать. Ситуация ставила меня в тупик. Части уравнения не стыковались между собой. Я любила кошек. Я хотела им помочь. Но их было тридцать. Я не могла пустить тридцать кошек в свой дом.

Я даже не могла их покормить. В договоре аренды был отдельный пункт, что мы не можем кормить животных на улице — и я не знала, появилось такое условие из-за кошек или нет. И как бы это ни звучало сейчас, но в тот момент было очень рискованно спорить с условиями договора или игнорировать их. Пандемия свирепствовала. Вариантов аренды на рынке было мало, и цены взлетели до небес. Люди становились бездомными каждый день. Они теряли работу и на улицах подхватывали COVID-19. Кошачья еда была дорогой, в мой бюджет никак не вписывались запасы на тридцать кошек. Несколько раз я заходила в отдел с товарами для животных в супермаркете Walmart, складывала в голове ценники — и сдавалась. Я думала о гуляющей на подъездной дороге Необезьянке, о всех тощих кошках, которые шныряли возле наших машин. Я думала: «Если бы только у меня было больше денег, я могла бы стать лучше».

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

Популярная психология для бизнеса и жизни

Кортни Густафсон

ТРИДЦАТЬ КОШЕК И НИ ОДНОЙ ЧУЖОЙ Мемуары о жизни, любви и принятии себя

Руководитель направления *Ирина Мажеева*

Ответственный редактор *Арина Миронова*

Литературный редактор *Полина Синёва*

Дизайнер обложки *Алексей Коннов*

Верстальщик *Вера Брызгалова*

Технический редактор *Мария Караматозян*

Корректоры *Елена Бударгина, Анастасия Мартинус Рохас*

Иллюстрации на обложке *Виолетты Иванцовой*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 31.07.2026.

Формат 60 × 88 1/16. Гарнитура «CharterITC».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,68.

Тираж 4000 экз. W-PBJ-40996-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака КоЛибри 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – КоЛибри тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68, БЦ «Регул», 2-й этаж Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 195112, Санкт-Петербург, Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат, Регул бизнес орталығы, 2-қабат Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заң)

